

Научная статья
 УДК 81
 doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-019-025

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ И ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ НОРМАТИВОВ В СЛОЖНОМ МНОГОСТУПЕНЧАТОМ ПЕРЕВОДЕ

Амрахова Рена Фирудин гызы

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан, amrakhova.rena@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается один из наименее исследованных видов перевода, а именно многоступенчатый перевод, что обуславливает актуальность избранной темы. Статья носит новаторский характер, так как насыщена новым материалом и тем самым носит более современный характер. Перечисленные в статье труды видных русских и европейских лингвистов, в той или иной степени занимавшихся этой проблемой, как выясняется, были написаны в 1970-1980-х годах и опирались на технологические возможности тех давних лет.

Статья разбита на некоторое количество пунктов, или ступеней, которые отображают отдельные и последовательные этапы работы переводчика. К каждому этапу следует небольшая комментарий, а далее он развёрнут в плане исполнения соответствующих действий переводчиком. Каждая из описанных в статье функций по своему внутреннему содержанию отвечает приведённым пунктам. Это ответственность специалиста за предельно точный (адекватный) перевод заглавия произведения. Затем правильное распознавание отдельных лексем и выражений. Далее по цепи следуют поиск эквивалентов для метафор, идиом и некоторых других видов троп. Известное место в статье занимает также теория переноса отдельных слов из одних колонок в другие с целью исправления ранее допущенных переводчиком ошибок.

Статья обогащена тем, что в системе доказательств сделана опора на современные переводы. Так, в поле зрения попали три романа видного азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева «Суд неправых», «Его подлинная страсть» и «Доблесть великанов», переведённых в 2018 году. Причём, в каждом случае указан переводчик, так что примеры взяты из данных произведений и тем самым конкретизируют как сам текст, так и указывают на намерения специалистов.

Ключевые слова: многоступенчатый перевод, языковое чутье, перевод, художественное произведение, текстовая парадигма, азербайджанская литература

THE ADEQUACY OF THE TRANSFER OF REALITIES AND DEVIATION FROM THE STANDARDS IN A COMPLEX MULTI-STAGE TRANSLATION

Amrakhova Rena Firudin

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, amrakhova.rena@mail.ru

Abstract. This article considers one of the least studied types of translation, namely multi-stage translation, which determines the relevance of the chosen topic. The article is innovative in nature, as it is saturated with new material and thus has a more modern character. The works of prominent Russian and European linguists listed in the article, who were more or less engaged in this problem, as it turns out, were written in the 1970s and 1980s and relied on the technological capabilities of those long-ago years.

The article is divided into a number of points, or steps, which reflect the individual and successive stages of the translator's work. Each stage is followed by a small comment, and then it is expanded in terms of the execution of the corresponding actions by the translator. Each of the functions described in the article corresponds to the above points in its internal content. This is the responsibility of a specialist for an extremely accurate (adequate) translation of the title of the work. Then the correct recognition of individual tokens and expressions. Then the search for equivalents for metaphors, idioms and some other types of tropes follows along the chain. A well-known place in the article is also occupied by the theory of transferring individual words from one column to another in order to correct mistakes previously made by the translator.

The article is enriched by the fact that the evidence system relies on modern translations. Thus, three novels of the prominent Azerbaijani writer Chingiz Abdullayev, "The Court of the Wrong", "His True Passion" and "The Valor of Giants", translated in 2018, came into view.

Moreover, in each case, a translator is specified, so that the examples are taken from these works and thereby concretize both the text itself and indicate the intentions of specialists.

Keywords: multi-stage translation, language flair, translation, artwork, text paradigm, Azerbaijani literature

Введение. На сегодняшний день известно несколько видов переводов: само-перевод (авто-перевод), авторский, адекватный, эквивалентный, дословный, буквальный художественный. [Есть разновидности и внутри этих видов]. Каждый из них, как правило, отличается индивидуальным подходом со стороны специалиста, имеет свои характерные черты и признаки. Но, помимо видов, все переводы условно классифицируются по степени сложности. Содержание переводимого, безоговорочно, играет первейшую роль, но определённое значение имеет и структура. Дифференциация отдельных стадий перевода (в особенности если речь идёт о художественном произведении) также служит специалисту важным дополнительным подспорьем. По последнему критерию переводы могут быть облегчёнными, адаптированными или не адаптированными и усложнёнными. К одним из наименее изученных в наши дни относится дифференцированный, градуированный по признакам перевод. Одним словом, это сложный, многоступенчатый перевод. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы определить порядок следования некоторых признаков в процессе перевода как отдельных лексем, выражений, словосочетаний, тропов, метафор, идиом, а также фрагментов художественных произведений.

Основная часть. По свидетельству некоторых видных лингвистов (А.Д. Швейцер, А.В. Федоров и другие), интересующая нас форма возникла ещё на рубеже 1960–1970-х годов и имела строго определённую цель: предоставить возможность специалистам по электронике (создателям первых электронных компьютерных программ) проследить за отдельными стадиями видоизменения текста. По причине отсутствия техники, которая была в ходу в указанные годы, в русской и зарубежной лингвистике появились некоторые работы на эту тему. Но, насколько нам удалось установить, большая часть статей имела прямую отсылку к магнитофонным записям. В России этим вопросом отчасти занимались Н.М. Павлова [7], Л.Н. Беляева [3]. Некоторые, правда, разрозненные сведения содержатся в монографии С. Влахова и С. Флорина [6]. В конце 1970-х была опубликована интересная статья английского лингвиста Чарльза Вёглина (в переводе Л.Черняховской) «Многоступенчатый перевод». В этом небольшом труде перечислены некоторые этапы переводческой деятельности.

Однако, при всём уважении к авторитетным русским и европейским учёным, их работы в искомом направлении выполнены по технологическим давно устаревшим стандартам: а именно базируются на машинном переводе, осуществляемом с помощью ленточных магнитофонных записей. Ключевым моментом статей такого рода является так называемый «информант», разлагающий материал на отдельные звенья. Переводчик становится в позицию слушателя, который интервьюирует информанта.

К началу третьего десятилетия XXI века никто уже, понятно, не пользуется магнитофонными записями. Роль информанта как человека, предоставляющего переводчику дополнительные сведения, также изжила себя. Между тем суть многоступенчатого перевода, являющего собой усложнённую форму, осталась и, как видится, нуждается в корректировке. Череда изменений носит характер постепенного облегчения текстовых отрезков речи, ликвидации сложностей на пути, прямо противоположному общеизвестному принципу «снежного кома». То есть изменения (без какой-либо помощи извне) постепенно вносятся самим переводчиком дозированно. К примеру, лексемы или выражения заменяются другими, но в окончательный текст не оформляются. Следует предварительная стадия самостоятельного редактирования. Ранее принятое за основу языковое средство отбрасывается, а на его место заступают другие. И так далее по цепи. В согласии с таким правилом перевод и называется многоступенчатым. В итоге перевод (в принципе с любого языка) контролируется специалистами с учётом структуры как ИЯ, так и ПЯ.³ Причём, каждая ступень ИЯ характеризуется определённым набором знаков, символов. Но только их минимальная часть становится проводником в ПЯ. Так как первые ступени входят в состав ИЯ, то преобразования происходят на линии от него – к ПЯ. С каждой новой ступенью передача тех или иных

³ Примечание: ИЯ – исходный язык; ПЯ – переводный язык.

собственно языковых и содержательных реалий по своим основным значениям всё более приближается к ПЯ.

Сам термин «многоступенчатый перевод» означает, что он состоит из ряда последовательно реализуемых пунктов. Когда мы говорим о замене одних лексем на другие, более подходящими по смыслу, то речь идёт, главным образом, об их наиболее точном использовании в эквивалентной ситуации, присущей именно ПЯ. В данном отношении, бесспорно, большую созидательную роль играет как «языковое чутьё» переводчика, так и знания культурологических особенностей другого языка. По мнению одного из известных современных русских языковедов Н.С. Болотновой, симбиоз этих черт и признаков, с одной стороны, ясно доказывает сложность и неординарность перевода, который состоит из нескольких стадий. С другой стороны, он, по убеждению учёного, неотделим от вхождения указанных нами особенностей в так называемую «текстовую парадигму» – настольный материал для ответственного за своё дело профессионального переводчика.

Исследовательница пишет: «Под текстовой парадигмой мы прежде всего разумеем определённую совокупность лексических единиц, логической цепью объединённых концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и внутреннего (лингвистического). Общий внутренний (лингвистический) элемент членов текстовой парадигмы может быть формальным, содержательным (то есть сугубо смысловым) и формально-содержательным. Это нормы, которые объективно необходимо учитывать в переводческой деятельности» [4, с. 40].

Итак, представим себе вполне хрестоматийную ситуацию, когда специалисту предложено перевести художественное произведение. Переводчику в первую очередь необходимо начинать с его заглавия, так как именно в нём сконцентрирована центральная мысль. Совершенно очевидно, что заглавие произведения в переводе приобретает особый смысл, так как от его предельной точности (оно абсолютно не должно быть отклонено от подлинника) в сущности зависит вся идейная проблематика, темы, мотивы и всевозможные сюжетные перипетии. Точный перевод заглавия – кратчайший и вернейший путь к её правильному истолкованию читателем, а, следовательно, и восприятию текста в целом. По нашему убеждению, в особенности помогает этому процессу именно многоступенчатый перевод, который изначально ориентирует специалиста на данный – самый усечённый, но чрезвычайно важный фрагмент текста. Поэтому в качестве первого пункта (или ступени) обозначим расшифровку заглавия произведения.

Обратимся за примером к роману известного за пределами республики азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева «Суд неправых». Вдумаемся в суть этого названия в подлиннике. Под ним азербайджанский писатель прежде всего подразумевает «Неправедный суд», или «Бесчестный суд». Другими словами, это суд, творимый нечистоплотными людьми. Отсюда и веер разных лексем, которые определяют то или иное чувство как отношение категории честных людей – к лживым. На страницах этого произведения Ч.Абдуллаев неоднократно называет главных героев «подлыми», «лживыми», «нерадивыми» чиновниками, служащими, у которых отсутствует «кодекс чести» гражданина своей страны и т.п.

Однако переводчик⁴, к сожалению, на наш взгляд, не сумела проникнуть в суть заглавия романа. Вынуждены констатировать, что перевод заглавия на английский язык «Judge, jury and executioner» прямолинеен и совершенно неточен. Существо дела заключается в том, что в этом романе вообще нет ни судей, ни присяжных, ни палачей, как заявлено в английском варианте. Профессии, выведенные в заглавие, в действительности целиком и полностью заменяют чувства героев. И первая же ступень перевода, образно выражаясь, даёт сбой. Однако положение отчасти спасает переход ко второму пункту, так заглавие романа тесным образом связано с двумя последующими эпиграфами, которые тут же прилагаются к названию произведения. Только условно вторая ступень перевода (эпиграфы) оказалась удачей переводчика.

Писатель раскрыл сущность заглавия в двух эпиграфах, доказав тем самым, что в людях, вершащих неправедный суд, его в первую очередь интересовала эмотивная сема «обиды». Соответственно на передний план выдвинута сила, потенциально противостоящая продажным судьям. Вот как это прозвучало в подлиннике:

1. «Не следует обижаться на людей, утаивающих от нас правду, потому как мы и сами постоянно утаиваем её от самих себя» (Франсуа де Ларошфуко);

⁴ Примечание: переводчик Анна Томпсон-Ахмадова.

2. «Люди, ненавидящие правду, более всего ненавидят тех людей, которые имеют возможность и смелость не обижаться на неправедников. Но, напротив, высказывать эту правду» (Восточный мыслитель Али Эфенди) [2, с. 3].

И надо сказать, что в переводе этих двух эпитафий на второй стадии, благодаря верно схваченной мысли, Анна Томпсон-Ахмадова оказалась предельно точна.

1. «We should not be upset that others hide the truth from us, when we hide it so often from ourselves»;

2. «Those who hate the truth hate most of all those who find the courage and capacity to tell the truth» [13, с. 3].

Крайними полюсами даже на таком малом текстовом отрезке становятся чувства романтической веры в торжество правды, с одной стороны, и принципиально-реалистическая невозможность её достижения – с другой. Причём, эта несовместимость желаемого с действительным прозрачно читается в двух эпитафиях, подтверждающих заглавие романа. Это противодействие на второй стадии перевода вложено в текстовую эмотивную семантику таких слов или выражений, как «обида на людей», «утаивание правды», намеренное «сокрытие истины», «смелость и возможность открыто высказывать правду» в лицо и т.д.

Третья ступень – распознавание переводчиком отдельных лексем. В процессе перевода любого текста (и не только художественного произведения) внимание специалиста устремлено на конкретное слово или словосочетание. По нашему предположению, чем меньше языковая единица, тем больше шансов на точный перевод, потому что необходимо из ИЯ найти эквивалент в ПЯ. И лексема как бы локализует поле работы, предоставляет своего рода рабочую дефиницию, когда большой отрезок речи становится значительно короче. Целесообразнее идти таким путём: текст ИЯ любого формата разбить на две колонки. В первую записывается весь фрагмент; во вторую – его контуры, которые ограничены стыками с помощью знака «/», характерные для деления, скажем, стихотворения на отдельные строки. Между стыками размещаем отдельные лексемы и выражения в круглых, квадратных скобках или отделяем многоточием. Это длинные отрезки речи. В процессе перевода они сначала сокращаются до минимума, а затем цепочка слов с символами и вовсе исчезает. Это и есть второй, исправленный вариант текста, в котором уже нет ни скобок, ни иных знаков.

Однако совершенно очевидно, что никакой перевод в принципе не возможен без морфемного анализа. Поэтому в качестве четвёртой ступени предлагаем исправление возможных неточностей, корректировка несообразностей путём выверенного количественного подбора лексем во второй колонке. А именно, может, к примеру, сложиться ситуация, при которой несколько слов из ИЯ первоначально переведены одним словом. Причём, это вполне возможно в любой цифровой пропорции, тем более, когда речь идёт о неродственных языках.

Тогда напрашивается вполне естественный вопрос: а являются ли два-три слова из ИЯ синонимами одного – в ПЯ? Если да, то верно ли они подобраны? Различия могут оказаться такими, которые не подтверждаются текстом ПЯ. Например, из опыта нашей работы в языковом вузе следует, что преподаватели профильных кафедр по теории и практики перевода часто сталкивались с явлением, когда студенты из Европы, в частности из Германии с трудом воспринимали и запоминали информацию о разнице в родах русских слов: «дом», «хата», «жилище». При разветвлённой родовой системе немецкого языка учащиеся тем не менее элементарно ориентировались исключительно на предъявляемый объект – местожительство.

Нечто подобное происходит и в том случае, когда для англоязычного переводчика (на русский) *house*, *home* и *dwelling* place выглядят одинаковыми словами. На наш взгляд, учёт указанной нами четвёртой ступени тем и полезен, что профессиональный переводчик, скорее обратится к применению новых форм, нежели будет занят практически бесплодным поиском разницы между названными тремя лексемами.

Обратная картина: несообразность может возникнуть в том случае, если переводчик, не обнаружив аналога морфем в ПЯ, ошибочно передаёт одну лексему – двумя или даже несколькими словами. Ч.Вёглин в вышеназванной статье указывает на такого рода возможную неточность или несообразность. В качестве доказательства учёный ссылается на язык шауни, входящий в алгонкинскую группу. На нём в наши дни продолжает разговаривать некоторая часть индейских племён из Северной Америки. На основе нескольких текстов лингвист фиксирует, что возможны случаи путаницы в морфемах, когда нецелесообразно или вообще недопустимо передавать одно слово из английского языка двумя на шауни. И приводит пример: «На языке шауни «konekípwе» может означать как выражение «его жена», при котором автор

подразумевает «юную девушку», так и «дряхлая старуха». Далее следует пояснение этой необычной возрастной разницы. «Такое употребление в зависимости от контекста вполне возможно в шауни, так как два этих выражения отражают его разговорную форму. Поэтому точнее было бы передать это выражение одним словом: «девушка» или «старуха». В самом деле, возрастная разница здесь настолько велика, что данная несообразность из-за недостаточного внимания переводчика к морфемному составу ПЯ способна запутать читателя в отношении конкретного героя произведения. В конце приведённого примера Ч. Вёглин высказывает предположение, что «эти слова в языке шауни могут являться заимствованием из английского языка» [5, с. 173]. Нам остаётся добавить, что в современной трактовке (а статья Ч.Вёглина была опубликована в 1978 году – примечание наше) этот язык правильнее именовать как «шони» (от английского «Shawnee»).

Между тем можно указать и на примеры иного, противоположного значения. Так, в романе Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть» многократно употребляется слово «тайна». Это стержневое слово и на нём в принципе держится всё повествование – от начала до конца. По элементарной логике, это должно быть передано словом «mystery». Но, учитывая жанр политического детектива, это не вполне точно.

Существо дела заключается в том, что под словом «mystery» англоязычный читатель чаще всего подразумевает нечто мистическое, фантастическое или божественное. И одним этим словом в английской литературе, как правило, обозначают «нереальное». Однако текст этого романа сопротивляется такому осмыслению данной лексемы. А.Томпсон-Ахмадова подошла к переводу не с формальной точки зрения, осознав, что автор имеет в виду «неопознанные объекты», и в тайну расследования не вкладывается мистический смысл. Это вполне реальное юридическое (или же уголовное) дело и как следствие – государственная тайна. Поэтому одна лексема ИЯ в романе (то есть, русского) предусмотрительно передана двумя словами ПЯ (английского), и почти во всех соответствующих фрагментах текста следует именно «topsecret», что точнее с лингвистической точки зрения и совершенно верно трактуется, учитывая содержание.

На пятой ступени предлагаем, разделив лист переводчика на две колонки, в левой – скрупулёзно выписать все тропы, встречающиеся в тексте (метафоры, сравнения, идиомы) на родном, русском, языке. В правой колонке – поместить первоначальные варианты их перевода. Причём, по нашим соображениям, переводчик облегчит себе задачу, если нумерация строк в колонках совпадет. Добавим: немаловажно, чтобы и порядок слов в одной колонке совпадал с другой. В некоторых языках здесь можно зафиксировать только факт механического перенесения фраз. Например, сопоставляя два языка романо-германской группы – французский и английский, многие учёные справедливо замечают, что в их различия в порядке следования слов – обычная транспозиция. Но при сопоставлении русского с английским выясняется, что здесь речь идёт об инверсии частей речи. Уточним: переход от имени существительного к прилагательному в английском; и обратное явление – в русском языке.

В ходе работы, как правило, сказывается фактор их неверной интерпретации (во всяком случае, тропы как наиболее каверзная часть перевода чаще нуждаются в полной лексико-семантической трансформации на чужом языке либо в корректировке), так как установление эквивалентов в ПЯ – это весьма трудоёмкий процесс. Иногда случается, что слова левой колонки, имеющие в ИЯ метафорический либо идиоматический смысл, при переводе реально способны ввести в заблуждение.

Ф.Ч.Рзаев в одной из своих статей приводит любопытный пример: «В ряде чешских диалектов выражение «Throwing a trunk at someone» буквально означает «метнуть в кого-либо сундук». Однако в чешском простонародье это выражение отнюдь не содержит в себе действия агрессивного характера. Напротив, оно соответствует английскому – «сделать кому-либо комплимент». Так что буквальный перевод метафоры в некоторых случаях может оказаться абсолютно неприемлемым для носителей второго языка» [8, с. 24].

Коль скоро мы заговорили в нашей статье о курьёзах многоступенчатого перевода, а именно так называется работа Ф.Рзаева, то хотим привести аналогичный трагикомический случай, очевидцем которого явился сам автор. В 1980-х годах в г. Баку на высоком правительственном уровне встречали делегацию английских представителей от ЮНЕСКО. Перед прощальной церемонией в аэропорту идиоматическое выражение «Good riddance» азербайджано-язычный член делегации произвольно перевёл как «Скатертью дорога», не задумываясь о чудовищной ошибке. Пятая ступень избранной нами темы, в результате которой в идеале возможно тщательно подготовленное

предварительное переосмысление записей в одной из колонок, безусловно, помогает избежать такого рода серьёзных ошибок или даже мелких недочётов. Небезынтересно добавить: когда курьёзный инцидент с помощью специалистов был благополучно исчерпан, ненароком вспомнили, что и древне-славянское «Зеркалом дорога», что, к примеру, содержится в подлиннике «Сказки о Садко», также не спасало бы положения, так как и последнее трактуется в ироническом ключе.

Как же выйти из таких затруднений? Полагаем, что наиболее оптимальный путь – это обычная замена бессмысленной цепочки слов правой колонки на несколько вариантов, из которых переводчик, руководствуясь собственным опытом, к тому же подсказанному интуицией, выбирает единственный. Одна цепочка слов автоматически заменяется другой, но каждая последующая ближе к оригиналу. В конечном итоге смысл слов, выписанных в двух колонках, становится идентичным.

Шестая, заключительная (в объёме небольшой статьи) ступень ориентирует переводчиков на избегание так называемой избыточности информации. Казалось бы, подтверждение того или иного языкового факта подходящей по содержанию вспомогательной формулировкой может обезопасить переводчика. Но в реальности дело обстоит сложнее. По нашему мнению, отступление от нормативов перевода языковых реалий особенно негативно скажется при недооценке данного пункта. Ведь избыточность кого-либо признака в тексте ИЯ – вполне обыденное, свойственное ему явление. Следовательно, вопрос надо ставить в иной плоскости: чего нельзя допускать в ПЯ, превращая отдельные выражения из текста в тавтологию. Например, общеизвестен маркер «animate-man», который можно нередко встретить в англоязычных источниках разной стилевой направленности. Понятно, что его нельзя переводить идентично, как «одушевлённый человек». Напротив, в русском языке есть расхожее выражение: «молодо-зелено». От него образуют «зелёный юноша» в значении «молодой, неопытный». (Как один из вариантов: «неоперившийся птенец»). В английском же языке это недопустимо, и «зелёный» становится избыточным средством. Поэтому к «Young man» добавить ничего нельзя. Заметим, что цветовая гамма в целом в обоих языках сохраняет свои значения во многих других вариантах.

Заключение. Таким образом, в настоящей статье мы ограничились только шестью ступенями перевода. Для нас совершенно очевидно, что, во-первых, это деление условно. Во-вторых, фактически нет предела увеличению представленных пунктов. Можно далее идти по линии установления соответствия контуров языков разных групп, заключённых в скобки. Кроме того, есть реальная возможность расширять материал за счёт сопоставления грамматических категорий. Определённую функцию в избранном виде перевода играют многоточия, учёт пауз, тонирования текста и других приёмов. Выделенные шесть ступеней, на наш взгляд, наиболее ярко и отчётливо отражают суть такого усложнённого перевода, который включает в себя градацию этих приёмов. Идя в представленной последовательности, переводчик может добиться желаемого результата. Кроме того, было учтено, что сопоставительная грамматика, главным образом, исследует сходные черты языков. В свою очередь многоступенчатый перевод подчёркивает различия между ними. Изучение этих различий крайне важно в целях улучшения качества перевода.

Список источников

1. Абдуллаев Ч. А. Его подлинная страсть. М. : ЭКСМО, 2018. 318 с.
2. Абдуллаев Ч. А. Суд неправых. М. : ЭКСМО, 2018. 317 с.
3. Беляева Л. Н. Теория и практика перевода. Санкт-Петербург : Книжный дом, 2007. 212 с.
4. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 1994. 212 с.
5. Вёглин Ч. Ф. Многоступенчатый перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Международные отношения, 1978. С. 168–184.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Наука, 1980. 342 с.
7. Павлова Н. М. Стилистические коннотации как компонент адекватности перевода // Тетради переводчика. 1977. № 14. С. 67–80.
8. Рзаев Ф. Ч. О курьёзах художественного перевода // Русский язык и литература в Азербайджане. 2013. № 1. С. 22–26.
9. Фёдоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л. : Просвещение, 1983. 352 с.
10. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М. : Наука, 1973. 232 с.

11. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 36 с.
12. Abdullayev Chingiz. His greatest passion. Baku : TEAS Press Publishing House, 2018. 225 p.
13. Abdullayev Chingiz. Judge, Jury and executioner. Baku : TEAS press, 2018. 223 p.

References

1. Abdullaev Ch. A. Ego podlinnaya strast. M.: EKSMO, 2018. 318 p.
2. Abdullaev Ch. A. Sud nepravyx. M.: EKSMO, 2018. 317 p.
3. Belyaeva L. N. Teoriya i praktika perevoda. Sankt-Peterburg: Knizhnyj dom, 2007. 212 p.
4. Bolotnova N. S. Leksicheskaya struktura xudozhestvennogo teksta v associativnom aspekte. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1994. 212 p.
5. Vyoglin Ch. F. Mnogostupenchatyj perevod. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978, pp. 168–184.
6. Vlavov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Nauka, 1980. 342 p.
7. Pavlova N. M. Stilisticheskie konnotacii kak komponent adekvatnosti perevoda. Tetradi perevodchika, 1977, № 14, pp. 67–80.
8. Rzaev F. Ch. O kuryozax xudozhestvennogo perevoda. Russkij yazyk i literatura v Azerbajdzhane. 2013, № 1, pp. 22–26.
9. Fyodorov A. V. Iskusstvo perevoda i zhizn literatury. L.: Prosveshhenie, 1983. 352 p.
10. Shvejcer A. D. Perevod i lingvistika. M.: Nauka, 1973. 232 p.
11. Yurina E. A. Kompleksnoe issledovanie obraznoj leksiki russkogo yazyka. M., 2006. 36 p.
12. Abdullayev Chingiz. His greatest passion / Chingiz Abdullayev. –Baku: TEAS Press Publishing House, 2018. 225 p.
13. Abdullayev Chingiz. Judge, Jury and executioner. Baku: TEAS press, 2018. 223 p.

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 23.10.2021.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 23.10.2021.

Научная статья
УДК 811.112.2
doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-025-029

ТАКСИС И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КРОССИНГ

И.В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает вопрос межкатегориального взаимодействия функционально-семантической категории таксиса и «близких» ей функционально-семантических категорий темпоральности, аспектуальности, итеративности, квантитативности и временной локализованности / временной нелокализованности, имеющих полевую структуру. Все вышеперечисленные категории рассматриваются в качестве функционально-семантических полей с предикативным ядром. Межкатегориальное взаимодействие характеризуется взаимозависимостью и взаимообусловленностью рассматриваемых функционально-семантических полей таксиса, аспектуальности, темпоральности, итеративности, квантитативности, временной локализованности/ нелокализованности. Основу межкатегориального взаимодействия таксиса с вышеназванными функционально-семантическими полями составляет его семантическая доминанта: выражение хронологического значения одновременности и разновременности. Таксис и «близкие» функционально-семантические категории аспектуальности, итеративности, темпоральности, квантитативности и временной локализованности/нелокализованности находятся в отношении межкатегориального кроссинга. Межкатегориальные связи категории таксиса с «близкими» функционально-семантическими категориями в контексте межкатегориального кроссинга делают